

15 февраля – День памяти воинов-интернационалистов

Я вернусь, мама!

Так писал в своих письмах домой Николай Финатов. Письма от сына с Афгана родители получали часто. Были они ласковые, вмещали все ранее мальчишкой не высказанное, в каждой строчке – забота, внимание, сыновья любовь. А еще рисунки.

С детства Коля любил рисовать. Даже для занятий в кружке рисования выкроил время среди своих увлечений спортом и рыбалкой. Это умение и выручало в письмах: что в письме не опишешь, выражал в рисунках, тем более, что не все можно было доверить солдатским треугольникам той войны. То перевал нарисует, то ущелье бородастого душмана с шутилкой припиской: «Вот таких дядек, только пострашнее, мы и ловим». И в каждом письме обязательно нарисует себя, то карикатурно, то в беглых набросках перемены: довелось быть и минометчиком, и связным, и снайпером. Не было в письмах тревоги, ада войны. А увидеть парнишке наяву пришлось страшные картины боев, увечий друзей, сожженные кишлаки и развороченные укрепления наших позиций со стопами раненых, а то и месиво тел, оставшихся от бойцов, с которыми еще с утра из котелка хлебали солдатскую кашу и на недавнем перевале читал письмо из дома. Не всем часто приходили весточки из Союза, как называли далекий дом, где тебя любят и ждут. О Родине там, вдали от границ, говорили с особым чувством тепла и такого желанного дребезга. В письмах Николая домой были только смешные рисунки: «Мама, это чтобы ты с улыбочкой открывала письмо». И в строчках спокойный тон и опять шутиливо-ласковое: «У нас на ужин была красная рыба, так мы кильку в томате называем. Пиши чаще, мама, мы всей ротой твои письма читаем». Хранил сын материнское сердце, ее сон. Лишь иногда револьвоно, видно, последнее раздумий, врыва-лась в письма груст-

ная нотка. «Вся душа у меня, мама, дома. Столько перевидал, сколько за 18 лет не испытывал». Или «со мной ничего не случится, не беспокойся. Ты же знаешь, мама, мои способности». А то среди обыкновенного письма – «здоровье у меня нормальное, как говорят, жалоб нет». Вот и гадай, не после ли ранения? Проговорившись опережением, тут же успокаивал сравнениями из прошлого.

Николай еще в школе хорошо стрелял, занимался спортом. Это мать и считала за спасительную соломинку между жизнью и смертью там, в душманских горах. Думая о нем бессонными ночами, моля о нем, почему-то вспоминала, как сын играл в солдатки. Подовики закатает и за этими угорами пушки расставит. Будто предвидел, что в такое уже не играть, а взаправду пережить придется. Может, оттого в детстве и речную прохладу любил, словно чувствовал, что в афганском пекле тазы по спокойной глади реки будут и миром, и мгновениями душевного отдыха.

А рыбаку даже танцам предпочитал. Все на танцплощадку, Николай с удочками на берег. Мать истолковывала это по-своему: может, одеваем худо, модного нет, вот и не до гуляний. На ее вопрос сын улыбнулся: «Не покупай, не надо мне ничего, мама. Мне и в моем вязаном свитере хорошо. Мне ж в армию скоро, там растолстею, потом не налезет». Зная цену трудовой копейке, сын, действительно, джинсы, кроссовки не просил, да и не нуждался он в этом мнимом «пропуске» в компанию: друзей и без того у него было множество. Во дворе и турниры проводили, и каток строили. Каждое лето стремился в лагерь, оттуда привозил грамоты, был общительный, увлеченный спортом.

Но женское сердце таково, что все о чем-нибудь плохом думается. Николай задержится летом – Мария Егоровна на балконе стоит ждет, все боясь, как бы с какими разгильдяями не связался. Казалось, не перенесет, если что нехорошее сына коснется, в хулиганстве каком будет замешан. За уроки волновалась. Поступил на токаря в ПТУ-5. Учился самостоятельно, хорошо, не обижался, если мать со строгостью технические предметы спрашивала, а то и советы по уму-разуму давала. Особая была суть в тех материнских наставлениях. Николай знал, что это – напускная родительская строгость, идет она от желания, чтобы все в жизни детей было ладно. А может, уже тогда невидимый, незнакомый страх разлуки присутствовал, шел по пятам, метил отношения так, чтоб навсегда запомнилось.

Запомнилось матери обдавшее дыхание тревоги, когда как-то погладила сына по волосам (тогда он вдруг начал носить длинную челку) и увидела сросшиеся брови как знак излома судьбы. На встревоженные глаза матери и неосторожное из груди «ой!» он как-то по-взрослому ответил: «Я знаю такую примету, мама, от судьбы не убежишь. Да все будет хорошо, чего ты?»

На памяти сестры тоже пророческие слова брата, когда она собралась ехать в Великий Устюг поступать в медицинское училище: «Ты уедешь, да я в армию уйду, кто с родителями будет?» Слово знал, что не вернется. Особое пророчество было у Николая на старость своих родителей. Буквально перед армией заставил их взять дачу: «Не убивайтесь, я приеду и все сделаю». Не суждено было, но благодаря огороду выжили его старики, раз за погибшего сына копейками расчитывалось государство. На получаемые за сына деньги и цветов было не купить.

Каково ему, трогательному пареню, было на той бойне, если любил все живое. Любил наблюдать за милой возней котят. Однажды любимец Тишка потерялся, так извелся малец, его ожидая, искал всюду. Для рыбок за аквариумом в Киров ездил, часами хлопотал вокруг своего кусочка моря, и мать, бывая в Коллесе, покупала ему рыбок: знала, что ни обновки, ни сладости его так не обрадуют, как новые жильцы аквариума. Доброе у

него было сердце, но ему пришлось стрелять, топтать чужую землю, входить в чужие дома, выполнять приказания командования. А еще там, среди сопок, ущелий, додумывать самому, что в жизни высокое, а что – захолустье души, что такое цена жизни и не ведающая таких внутренних исканий политика.

«Папа, я теперь не такой, как пошел служить» – как много в этой строчке к отцу. Уже не бывшее мальчишество. Солдатские будни среди войны 18-летних мальчишек сразу же делали мужчинами.

В ту ночь беду угадало вешнее материнское сердце. Предугадала она свои слезы, еще не зная, что Dickinson гроб привезен в Коряжму. Среди ночи явственно услышала Коленькин крик: «Мама, мама!» Под сердцем ощутила страх за сына, не ту тревогу, которая присо-единилась на все дни его службы, а ту печаль, маету сердца, что куда

больней. Смятение не покинуло до утра. На автобусной остановке женщины, возвращающиеся со смены, спросили ее, словно онемевшую, потерянную: «Ты чего, Маша?» А на работе уже все знали: Военные побывали у начальника цеха Герман Александрович Бабушкин просил, чтобы поберегли сердце женщины от страшной вести, не сразу известили о горе. Так ей сказали, чтоб ехала домой, будто соседи квартиру затопили. Не подумала, что у самой пятой этаж. В подъезде почувствовала запах валерьянки, от сердечного предчувствия в мгновение ока очутилась на пороге квартиры и, не переведя дух, распахнула оказавшуюся незапертой дверь. Помнит лишь сидевшего в каком-то забытии мужа. Окликнула – молчит, в глаза не смотрит. Из кухни выходит военный: «Мария Егоровна, мы к Вам с нехорошей вестью». Больше ничего не слышала. Упала. Уже после сме-

шались, да так и остались осязаемым шлейфом беды запахи нашатыря и валерьянки. И до сих пор та стойкая смесь в горле, как комок горючих слез и стойкая горечь в груди. «Не понять это тому, кто сыновей при себе холит, кто с горем не повстречался. Кто откупить сыновей может от армии, от злодейки-судьбы», – говорит мать героя, не вернувшегося с той проклятой войны.

Воли вдуматься, то героического эта огромная утрата не стоит. Родителям Николая Финатова осталось от сына с громким названием «воин-интернационалист» немного: письма с кабульской земли, в коробочке орден, воинские награды да Грамота Верховного Совета СССР, где строки из прошлого, но такого не принимаемого родительским сердцем: «за мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга...» Точка на

прошлом. Сегодня, сейчас пустота. Не ответить на вопрос: так ли важна сейчас гордость за сына? Порой Мария Егоровна ощущает в себе такую жалость к другим мальчишкам, хочется уберечь их от войны, чтобы принесли они своим матерям счастья, заботы, сыновьей любви сполна. Не по-земному родителям сына хоронит. Не пожил ее сын, не познал всего того, что на людскую жизнь положено: встретить любовь, свою половинку, привести невесту в дом, стать самому отцом, видеть, как растут дети, жить ради семьи своей да спокойной старости родителей.

Что осталось от сына? Любовь к нему, фотографии да кладбище. Отняли родительские силы обрушенные страдания, да и черствость многих структур. Столько лет бедовали на крошечную пенсию. Сына отдали, выходит, на пушечное мясо, сами сытого стола не видели. Афган все более уходит в стойкое небытие. И реже

вспоминают тех бедовых улитерых коряжменских мальчишек, как и их родителей. Казалось, на долю отца с матерью и без того страданий выпало: были узниками фашистских лагерей, потом в землянках жили с партизанами после освобождения из плена. А когда прогнали со Смоленщины немцев, то вернуться в сожженные деревни было уже некуда. Горькое было житье-бытье, да извели болезни, потом беспросветный труд, чтоб поднять младших в семье... Только стала выправляться жизнь, еще горше потянулись дни, раз призвали сына служить в Афганистан. А там поджидала та беда, что вымучила до конца все родительское сердце.

Как оворится, добром жив человек, только добро ответную дорожку мостит. Родные Марию Егоровну, которая всех их вырастила, выучила, в беде не оставили. И на один из юбилеев устроили ей праздник. «Ты же нас выручала» – таков был ответ на все ее посулы, что ничего ей не надо. Устлади пол ковром, надарили обновок, преподнесли золотые сережки. Но в любом торжестве нет отдохновения материнскому сердцу, раз не вся семья в сборе. Мать Николая едва справилась с горем. Все кругом стало безразличным. Не раз думала об уходе из этой жизни, раз сына больше нет. Один сон подарил ей встречу с сыночком, словно наяву. «Мама, знаю, что ты хочешь. Не делай этого. Живите ради Наташи», – так остановил ее сын в неведомом наваждении сердца, а вернее, бессилии перед болью утраты. Еще бы остановить плену равнодушия к таким семьям, раз не все деньгами меряется.

В дом стали приходиться другие письма. От его сослуживцев. «Николай я никогда не забуду, – писал после трагедии в каждом письме эту клятвенную строчку Камил Каримов, с которым вместе делили тяготы той нещадной к мальчишкам войны. – Николай притворяться не умел, мог бы справку о контузии сделать, чтобы на последнее задание не ходить, но не такой он был». Камил о последнем дне Николая писал: «Это было на первом этапе. Пехота десантирована была в горы под Понджешере. Рота попала под обстрел, но успешно вышли, выполнили приказ. Гору взяли. Отдохнули. Батальон ждал вертушек-вертолетов. Но их не было. Комбат вновь приказал занять оборону. Наша рота должна была взять самую верхнюю точку. С душманской позиции непрерывно стреляли. Финатов и Коложиков подорвались. Коля насмерть. В роте его все уважали. Я Колю никогда не забуду. Храню его рисунки».

Мать тоже хранит его рисунки и письма, где несбывшаяся строчка: «Я вернусь, мама!»

Светлана ПОЛОМОВА

